

16

• TET - A - TET

Не стойте покойником, Костолевский!

Архивистика и факты. - 1996. - Дек. (№ 5-7) - 9-16

У Костолевского идеальный актерский возраст. При правильно поставленном свете он еще может сыграть юношу, а при должном гриме уже сыграет старика. Нет явных морщин, есть жизненный опыт, и, к счастью, никуда не делся отпущенный талант. В последней премьере Театра имени Маяковского "Кин IV" он выходит на сцену молодым принцем и ловеласом, а уходит с нее умирающим от желудочных болячек королем. Впрочем, все равно ловеласом. Но это такая роль.

- Игорь, каковы ваши действия, когда вы приходите домой и обнаруживаете, что ваши домашние тапочки найти невозможно, любимый пиджак висит не на месте и книжки на полках все переставлены?

- Знаете, почему так трудно давать интервью? Я вам отвечу, что мне подобная ситуация будет крайне неприятна и я принимаю близко к сердцу отсутствие в коридоре домашних тапочек, и все решат, что я страшный зануда и педант. А если я вам скажу, что мне вообще наплевать, есть ли у меня тапочки, то получится, что я совершенно отрешенный от быта тип, почти небожитель. А я не педант и не небожитель. Вот я сегодня приду, и меня это будет дико раздражать, я буду психовать и даже, может быть, устрою по поводу этого скандал. Потому что мне, допустим, сегодня больше ни на что другое свою неумную энергию выбросить не удалось. А завтра у меня будет потрясающе интересная работа, и я даже не обращу внимания, где мои тапочки и мой пиджак. Я разный.

- И непостоянный?

- Ну... в каких-то вещах - да, непостоянный. А в каких-то, наоборот, я даже очень постоянный.

- Например?..

- Например, я тринадцать лет живу в одном и том же браке. Я считаю, что это срок. Я, в конце концов, верен своей профессии... Я двадцать два года работаю в этом театре.

- Ну, этому театру вы, положим, недавно изменили...

- Да это не было изменой. Я просто работал за границей по контракту, вот и все. У меня и сейчас продолжается контракт с Петером Штайном, с которым я продолжаю работать в "Орестее"... Ну да, да, это был в какой-то степени выбор, конечно. Тут не было ничего злого умысла и никаких интриг, но в этом театре действительно много хороших артистов, и... в общем, наступил в моей жизни такой момент, когда я, при всей моей любви к этим стенам, почувствовал, что сидеть и ждать, когда тебе дадут роль, становится уже несколько утомительно... Знаете, ко-

гда мы еще были студентами и бегали в массовках, наш Гончаров, если видел, что артист не знает, что ему делать на сцене, всегда на нас орал: "Не стой покойником, делай жесты! Костолевский, не стой покойником!..." Вот я и решил, что пора мне начать делать жесты. А тут как раз появилось предложение от швейцарского режиссера Франсуа Роша, мы с ним сделали три спектакля... Один - в Москве, в Театре сатиры, другой - в Швейцарии, третий - в Норвегии... И я вернулся.

- Вам необходимо чувствовать за спиной присутствие собственной славы?

- Нет. Мне, как и каждому, необходимо ощущение собственной нужности. Жутко, когда ты понимаешь, что можешь, умеешь, но понимаешь почему-то это только ты один. Или так кажется, что ты один. Я думаю, что от этого артисты запивают, болеют - из-за такой нереализации. А в отношении славы за спиной я очень спокоен. Абсолютно.

- Но вы недавно стали народным артистом России - разве это не приятно?

- Приятно. Вернее, нормально. Но главное - была бы работа. Может быть, меня папа с мамой так воспитали, может быть, это потому, что у меня не очень традиционный был путь в эту профессию. Я об этом в семнадцать лет не мечтал и вообще стал актером совершенно случайно.

- О чем вы вообще мечтали в семнадцать лет?

- В семнадцать лет я был страшно влюблен и, в общем, ни о чем больше и не думал. Впрочем, как и в восемнадцать, и в девятнадцать...

- Это была одна и та же любовь?

- Ну... трудно сказать... В общем, я заканчивал вечернюю школу (а вечернюю школу я заканчивал потому, что там в отличие от школы дневной совершенно не надо было учиться), и нужно было поступать в какой-нибудь институт. Я поступил в строительный, но с тем же успехом это мог быть и горный, и авиационный, и любой другой. А потом моя любимая на тот момент девушка мне сказала, что мне надо пойти в театральный вуз, потому что там дают гуманитарное образование. Она почему-то считала, что мне нужно получить гуманитарное образование. И я пошел поступать во все театральные вузы одновременно. Меня всюду приняли, но я решил остаться у Гончарова в ГИТИСе. Остался, а потом меня стали выгонять, и тут я много для себя ценных открытий сделал. Оказалось, что тут надо учиться, что артист - это вообще профессия... Можно сказать, мне впервые тогда пришлось как-то шевелиться и "делать жесты". А вообще я довольно долго был в меру (или не в меру?) ленив, идеалистичен и романтичен, и всяческие иллюзии во мне долго существовали.

- И когда вы от них избавились?

- А я даже не знаю, избавился ли я от них до конца. Может быть, и хорошо, что не избавился... У меня был спектакль в Театре сатиры - тот самый, который ставил Франсуа Роша, - "Виктор", и я играл там девятилетнего мальчика. К этому спектаклю по-разному относились, а я очень любил эту роль, потому что она, в сущности, о том, как из человека уходит дет-

скость, наив, непосредственность, искренность. И человек умирает. То есть фактически он еще жив, потому что ест, пьет, дышит, но это и все, почему его стоит причислять к живым... Тут важно не путать два понятия - "детство" и "детскость". Когда детство проходит - это нормально. А когда детскость исчезает, когда такое с человеком происходит, это страшно вообще для кого бы то ни было, а для артиста - все, верная смерть. Потому что если сегодня кого-то чем-то еще можно убедить, то только искренностью, открытостью. Вот "Форрест Гамп" вы видели? Что там такого? Никаких ужимок и прыжков. Только потрясающая искренность...

- Существует противоположное мнение, что весь этот наив сейчас не актуален. Время, говорят, теперь крутое и зубастое, а искренних и открытых просто съедают.

- Не знаю. Я ничего не проповедую, и сам в жизни совершал достаточно всяких компромиссов, и предавал по-крупному себя, и злился, и кусался, и меня до сих пор периодически посещают все эти настроения, но в конечном счете всем движет только любовь. Я недавно снялся у Пташука в картине "Игра воображения". Сыграл там типа, который из затюканного инженера табачной промышленности снова становится человеком. С помощью любви. Все остальное непригодно для жизни... И это всегда. А времена, как известно, не выбирают, поэтому чего ж на них ссылаться?

- А вам когда-нибудь было так плохо, что хотелось умереть?

- Да. Хотелось. Я понимаю, что это грех. И сегодня мне не хотелось бы быть мертвым.

- Можно из этого сделать вывод, что вы на настоящий момент своей жизнью довольны?

- Как бы вам так ответить, не кокетничая и максимально правдиво?.. Да, я доволен. Я работаю, моя жена работает, мы в одном театре, и это хорошо, и ни мне, ни ей не пришлось открывать кафе, или ателье, или что-то еще в том же роде, чтобы выжить... Хотя я бы смог, если бы это было нужно, но хорошо, что пока не нужно... И с сыном все пока в порядке, и... Я не знаю точно, как изменится мое настроение через двадцать минут, но погода сегодня - видите? - хорошая.

Яна ЗУБЦОВА, Юлия ФРИД
Фото Бориса Кремера